

*В. Д. Петухов (г. Киров)
Вятский государственный университет*

Творчество В. А. Соллогуба в литературоведении XX–XXI веков

Статья посвящена обзору литературоведческих статей и монографий, посвященных анализу творчества известного писателя В. А. Соллогуба.

Ключевые слова: творчество В. А. Соллогуба, литературоведение XX–XXI веков

Говоря о научной и критической литературе, написанной о творчестве В. А. Соллогуба в XX веке, нужно отметить, что еще при жизни писателя литературное сообщество практически утратило интерес к его фигуре. По большому счету, на протяжении очень долгого времени лишь серия статей Белинского, написанная им еще в 1840-е гг., была не только одним из немногих авторитетных свидетельств литературной значимости Соллогуба, но и, пожалуй, единственным примером последовательного и системного исследования произведений Соллогуба. Можно вспомнить, конечно, и Добролюбова, но его полная жестоких насмешек над «устаревшим писателем» большая статья стала скорее литературной «анафемой», нежели серьезной критической базой для дальнейших исследований. По мнению А. С. Немзера, результатом добролюбовской статьи стало то, что «писатель был из литературы вычеркнут, и публика вроде бы приняла это как данность» [1].

Справедливости ради стоит отметить, что еще в конце XIX века, правда уже после смерти писателя, довольно пренебрежительное отношение к Соллогубу попытался изменить известный книгоиздатель А. С. Суворин, который переиздал «Тарантас» и некоторые другие повести писателя. Вот что пишет об этой попытке Немзер: «Казалось бы, четвертьвековых усилий достаточно, чтобы проза Соллогуба навсегда выпала из поля внимания просвещенной публики. Но не тут-то было. В 1886 г. (заметим, что к этому времени ушел из жизни не только Соллогуб, но и практически все, за исключением Льва Толстого, крупные писатели второй половины XIX в.) отменно чувствующий читательский спрос А. С. Суворин выпускает “Тарантас” в “Дорожной библиотеке” (аналоге сегодняшних покетбуков). Через четыре года выходит второе издание; републикует Суворин и повести Соллогуба. Происходит это без какой-либо шумихи, нет и речи о “возрождении-возвращении” несправедливо забытого автора, Соллогуба не назначают задним числом “гением” и “классиком”. Сочинителя “Тарантаса” (текста, в какой-то мере закрывающего другие вещи Соллогуба, но и тянущего их за собой) просто читают» [1, с. 24].

Отношение к Соллогубу стало более нейтральным в начале XX века, хотя пренебрежение в оценках его творчества сохраняется. В качестве примера приведем мнение известного филолога С. Венгерова: «В литературной деятельности своей Соллогуб был до известной степени симпатичным дилетантом, более скользя по поверхности затрагиваемого сюжета, чем углубляясь в его сущность... Во всех этих произведениях большой свет неизменно выводится со стороны своей пустоты и мишурности, а люди среднего сословия – со стороны своей преданности чувству долга и искренности чувства. Сатира, однако, не глубока, и известное внутреннее преклонение перед “настоящим” большим светом сквозит и сквозь отрицательное отношение автора к изображаемой среде» [2, с. 7].

В своей оценке творчества Соллогуба Венгеров во многом солидарен с «людьми, умеющими разбираться в литературных явлениях» (Добролюбов и Павлов), поэтому не стоит удивляться, что и лучшая книга Соллогуба, «Тарантас», вызывает у него весьма неоднозначную реакцию: «Это талантливая, но довольно странная смесь беллетристики и публикации, перемешанная длинными рассуждениями» [2, с. 8].

Так или иначе, «развенчанный» критикой автор все-таки не был забыт. Его продолжали читать, правда, не на родине, а в эмиграции. Об этом свидетельствует все тот же Немзер, «(Соллогуба)... не перестают читать в следующем столетии. В 1922 г., когда вследствие революции русская культура оказывается разделенной, “Тарантас” одновременно (и это символично) выходит в Берлине, у И. Альтмана (факсимильное воспроизведение роскошного иллюстрированного издания 1845 года с приложением печального эссе пока еще графа А. Н. Толстого» [1, с. 24].

Что же касается Советской России, то изучение творчества Соллогуба начинается в 1930-е гг. Впервые имя Соллогуба упоминается в работе Н. И. Розанова в «Путеводитель по русской литературе XIX века» (1930). Год спустя, в 1931 году, издаются мемуары Соллогуба («Соллогуб В. А. Воспоминания»). Подробную вступительную статью написал П. К. Губер. На следующей научной работе стоит остановиться подробнее. В 1937 г. была издана книжка «Соллогуб В. А. Водевиль». Вступительную статью к ней написала М. Белкина. Ценность труда Белкиной состоит в том, что до нее ученые отказывались признавать за водевилями Соллогуба художественную силу: увлечение Соллогуба театром не одобрялось даже Белинским, не говоря уже о Добролюбове. Однако исследователь берет на себя смелость утверждать, что «в этой области (театральной) Соллогуб был подлинным мастером и среди русских водевилистов прошлого века занимает далеко не последнее место» [3, с. 20]. В подтверждение тезиса Белкина приводит мнение М. А. Бакунина, который «уже в 1839 году упоминает о Соллогубе как о мастере водевиля» [3, с. 20].

Более того, исследователь считает, что на фоне преобладавших в ту пору низкопробных мещанских водевилей водевили Соллогуба отличаются, помимо мастерства, в первую очередь оригинальностью: «Почти все водеви-

ли Соллогуба оригинальны. Он был одним из мастеров оригинального русского водевиля, тогда как большинство тогдашних (мещанских) водевилей были переводами и переделками с французского. Таковы были, например, в большинстве водевили Ленского, Некрасова и других» [3, с. 44].

Белкина делает вывод, что театральные опыты Соллогуба были весьма заметным явлением своего времени и оказали влияние в том числе и на будущие постановки Н. В. Гоголя: «У водевиля Гоголь учился прежде всего его живости, быстроте и умелому ведению интриги. Этими-то качествами в полной мере обладают водевили Соллогуба» [3, с. 46].

К сожалению, попытка Белкиной актуализировать ранее малоизученные пласты творчества Соллогуба не нашли отклика среди научного сообщества. На протяжении нескольких последующих десятилетий заметки о Соллогубе зачастую носили общий характер и ограничивались обзором лучших повестей автора. Остальное просто не замечали. Показательной выглядит точка зрения Е. И. Кийко. Во вступительной статье к изданию «Повестей и рассказов» Соллогуба, вышедшему в 1962 году, ученый говорит следующее: «Соллогуб писал также стихи, был талантливым водевилистом: пьесы его не сходили со сцены русских театров в течение многих лет; он выступал в газетах с остроумными очерками о петербургской жизни и отчетами о музыкальных концертах, спектаклях. Но все это не вышло за пределы своего времени, осталось лишь фактом его творческой биографии» [4, с. 4].

Наиболее точно эту позицию литературоведов объяснил А. Немзер: «В советскую эпоху всякое издание писателя “второго ряда” надлежало мотивировать – объяснить (публике, но главное – идеологическим надсмотрщикам), почему это вдруг такого-то сочинителя (увы и ах, никак не пламенного революционера) стоит вытаскивать из забвения. Сильными аргументами тут обычно становились прижизненная известность автора и благожелательные отзывы современников с “правильной” репутацией. Так, в случае Соллогуба резко негативные суждения Добролюбова и его подголосков побивались похвалами Белинского (который, как считалось, ошибок вовсе совершать не мог), а наследие писателя рассекалось на две части. Пока шагал в ногу со временем, сопутствуя “натуральной” школе, был в общем-то хорош (критика светского общества, верные картины провинциальной действительности), хоть и не без “аристократических” изъянов, зато потом сполна явил свою ограниченность и реакционность. Да и писать в общем-то разучился. Правда, почему-то его мемуары оказывались весьма важным (и охотно цитируемым) историческим источником, но на загубленной репутации позднего Соллогуба их достоинства словно бы не отражались» [1, с. 24].

В научной же литературе Соллогуба ставили во второй ряд писателей натуральной школы и не выделяли его на фоне коллег-литераторов. Например, в «Истории русской литературы» (1955) Л. М. Лотман Соллогубу уделила две странички.

Возобновление интереса к изучению творчества писателя началось лишь в 1960-е гг. и было связано с именами В. А. Грехнева и В. Э. Вацууро,

которые рассматривали ранний период литературной деятельности Соллогуба (Грехнев написал монографию «Творчество В. А. Соллогуба в русской прозе конца 30-х – первой половины 40-х годов», а на счету Вацуро научная работа «Беллетристика Владимира Соллогуба»). Но все же особое место среди исследователей XX века занимает А. С. Немзер. Исследователь внес наиболее существенный вклад в возвращение Соллогуба из забвения. Немзер был автором предисловий и комментариев к нескольким сборникам повестей Соллогуба, а также посвятил ему ряд крупных исследований, среди которых выделим монографию «Литературная позиция В. А. Соллогуба (1830–1840-е годы)». В ней Немзер, должно быть первым, отошел от концепции делить творчество Соллогуба условно на «удачный» (все, что хвалил Белинский) и «неудачный» (все, что отверг Добролюбов) периоды, а рассмотрел его как единое целое. «Мировоззрение и поэтика Соллогуба были на редкость стабильны. Его писательские принципы сложились в конце 30-х и воспринимались в 60-е годы как анахронизм в лучшем случае и как ретроградство в худшем», – считает Немзер [5, с. 324].

Об этом свидетельствуют и мемуары Соллогуба, к которым позже обратился Немзер: «К мемуарам Соллогуб пришел совершенно естественно: кроме понятной обиды на современность и не менее понятного желания защитить предание, сказывались, по крайней мере, два обстоятельства... Повествовательная манера Соллогуба всегда тяготела к “воспоминательному” тону – тону изящного иронического рассказа о событиях, что должны воспроизводиться как достоверные» [6, с. 14].

Вслед за Немзером к мемуарам Соллогуба обратилась И. Чистова, которая уверена, что «Воспоминания Соллогуба по праву вошли в золотой фонд русской мемуаристики. Так же как и лучшие повести Соллогуба, они с интересом читаются и теперь, более чем через сто лет со времени их создания. Многие в прозе Соллогуба стало достоянием истории, но в ней живы традиции русской классики и то незаурядное художественное мастерство, которое в свое время выдвинуло Соллогуба в первые ряды русских литераторов» [7, с. 19].

Новый виток интереса к литературе Соллогуба происходит уже в XXI веке. Современных филологов интересует прежде всего поздний период творчества писателя. Н. А. Кадочникова первой обратилась к забытому роману Соллогуба «Через край». В обзорной статье «“Через край” В. А. Соллогуба: непрочитанная страница русской романистики» Кадочникова посетовала на то, что «в литературоведческих работах не сделано ни одной попытки изучить это произведение», а также на то, что до сих пор «роман не опубликован отдельным изданием». А без осмысления романа «оценить творчество Соллогуба, а значит, и представить картину литературного процесса 80-х годов, когда происходила перестройка жанровой системы русской прозы, невозможно» [8, с. 233].

Детально анализом последнего сочинения писателя занялись Н. А. Валек и С. И. Ермоленко. Валек в диссертации на тему «“Через край” В. А. Соллогу-

ба: от светской повести к “роману из современной жизни”» опровергает устоявшуюся в литературоведении точку зрения, согласно которой в творчестве Соллогуба не прослеживается эволюции. Исследователь видит эволюцию писателя прежде всего в жанровой динамике. Помимо этого Валек заявляет, что последнее сочинение Соллогуба является важным не только в контексте творчества самого писателя. Роман дает возможность лучше понять и историко-литературный процесс 70–80-х гг. XIX века и историю русского романного жанра в целом.

Ермоленко подробно разбирает образ главного героя романа – князя Петра Андреевича Ардарова в статье «Встречи на “большой дороге”»: роман В. А. Соллогуба “Через край”. Ардаров, по мнению Ермоленко, типичный для Соллогуба герой – «добрый, но безвольный малый», однако «авторский замысел, который реализуется в романе, связан с изображением (впервые у Соллогуба) *духовной эволюции* доброго, но безвольного малого» [9, с. 21].

Объединив усилия, ученые выпустили совместные статьи «Диалог в ситуации всеобщего обособления или “лишний человек” на rendez-vous» и «Поэтика времени в романе В. А. Соллогуба “Через край”». Итогом их совместной работы стала обобщающая монография «“Через край”: забытая страница русской романистики». В рецензии на эту монографию коллега ученых, Ю. М. Проскурина, отмечает: «В монографии справедливо сказано, что роман Соллогуба из жизни одной аристократической семьи Ардаровых перерастает в символическую летопись русского общества, русского мира, русского “края”» [10, с. 101]. Помимо этого Проскурина видит монографию «серьезным историко-теоретическим исследованием, обогащающим наши представления о литературном процессе 70–80-х годов XIX столетия и о творческом пути писателя, начавшего свою литературную деятельность с жанра светской повести и завершившего ее созданием социально-психологического романа» [10, с. 101].

Также нужно упомянуть любопытное исследование И. Л. Багратион-Мухранели «Иллюзия и утопия в комедии В. Соллогуба “Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет”». Автор обращает внимание на две «кавказские» пьесы. Художественная ценность первой («Ночь в духане») оценивается не слишком высоко: «Комедия “Ночь в духане”, – “драматический очерк закавказских нравов в XV явлениях”, как определяет ее автор. Это – комедия положений с карикатурными поверхностными условными персонажами, призванными развлечь русского зрителя-читателя событиями из жизни “диких кавказцев”... Мир пьесы ограничен стенами духана, за ними ничего особенно не прочитывается...» [11, с. 29]. Исследователь характеризует данное сочинение как «немудреное произведение» [Там же].

А вот «Ночь перед свадьбой...», по мнению Багратион-Мухранели, «явно не была оценена по достоинству... (Что не удивительно, учитывая, что последним кто “разбирал” комедию, был Добролюбов)... и превзошла ожи-

дания автора... Она, безусловно, заслуживает внимания и как наиболее крупное сочинение, написанное на Кавказе, и как редкое явление в русской литературе – комедия-утопия, и даже как веха на пути постижения Кавказа русской литературой» [11, с. 29–30].

Багратион-Мухранели видит в комедии две новаторские идеи. Во-первых, Соллогуб сильно опередил театр своего времени, что, увы, не смог угадать Добролюбов: «Соллогуб не заботится о развитии фабулы, построении ярких характеров... Драматург выстраивает сцены несколько импрессионистично, опережая театральную практику своего времени и предвзято развитие драмы конца века – начала XX века» [11, с. 32]. Во-вторых, Соллогуб наравне с Гончаровым (сон Обломова), Чернышевским (сны Веры Павловны), Островским (Берендеево царство из «Снегурочки») стал предтечей «просветительской утопии, во многом предвзято развитие этого жанра в XX веке» [11, с. 33].

Подытоживая, можно сделать вывод, что творчество Соллогуба до сих пор, по тем или иным причинам, не было изучено в полном объеме. Однако в последние десятилетия мы наблюдаем повышение интереса к текстам писателя, поэтому можно надеяться на всеобъемлющее изучение произведений Соллогуба уже в ближайшее время.

Примечания

1. Немзер А. С. Быть так! Спасибо и за то [Электронный ресурс] // При свете Жуковского. Очерки истории русской литературы. URL: <http://iknigi.net>
2. Венгеров С. А. Об авторе воспоминаний // Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. СПб., 1993. С. 7–8.
3. Белкина М. А. Водевиль Соллогуба // Водевиль В. А. Соллогуба. М., 1937. С. 3–46.
4. Кийко Е. И. В. А. Соллогуб // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М.; Л., 1962. С. 3–14.
5. Немзер А. С. Литературная позиция В. А. Соллогуба (1830–1840-е годы): дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 324 с.
6. Немзер А. С. Владимир Соллогуб и его воспоминания // Соллогуб В. А. Воспоминания. М., 1998.
7. Чистова И. С. Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба // Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 3–20.
8. Кадочникова Н. А. «Через край» В. А. Соллогуба: непрочитанная страница русской романистики // Вестник ЧПГУ. 2009. № 5. С. 226–233.
9. Ермоленко С. И. Встречи на «большой дороге»: роман В. А. Соллогуба «Через край» // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 20–28.
10. Проскурина Ю. М. Новая книга об одной забытой странице русской романистики // Филологический класс. 2014. № 2 (36). С. 100–101.
11. Багратион-Мухранели И. Л. Иллюзия и утопия в комедии В. Соллогуба «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11 (152). С. 29–35.